

Несмотря на то что в его руках оказалась книга, которая, казалось, была способна раскрыть все тайны грядущего, Инь Цичи не придавал ей особого значения. Сюжет, изложенный на её страницах, он бегло просмотрел – и почти сразу же забыл. Он не стал подвергать написанное сомнению и не искал никаких внешних подтверждений. Для него всё это стало чем-то вроде опыта проживания «второй жизни», только представленного в удобном текстовом формате.

Покинув тайное место, он вернулся в своё жилище, чтобы с новыми силами погрузиться в культивацию. Кроме того, Инь Цичи стал регулярно отправляться в дикие земли, где в изобилии водились мистические звери; там он мог в полной мере отточить свои боевые навыки. Это было для него не только тренировкой, но и своего рода способом притереться к новому телу, которое было на сто процентов натуральным и не содержало в себе ни единой механической детали. Хотя, если говорить строго, эта оболочка принадлежала ему же, но из другого мира, и внешне они были почти идентичны. Однако души всё же различались, и потому влиться в новую плоть идеально и мгновенно не получилось.

Поначалу Инь Цичи даже не нравилось это полностью органическое тело, и главным образом – из-за возникших неудобств. Никаких кибер-глаз, а значит – никакой возможности сканировать пространство; никаких механических рук, а следовательно – нельзя было сменить модули под конкретную задачу. Даже ступни не подвергались модификации, из-за чего его общая способность к быстрому и эффективному передвижению оставляла желать лучшего. Но в этом мире не было рипердочков, и даже если бы он с помощью системы межмировой торговли выменял себе самые топовые импланты, установить их было бы попросту негде.

Лишь когда его душа практически полностью свыклась с телом, а сам он освоил удивительные методы культивации этого мира, Инь Цичи наконец остался доволен своей новой формой. Впрочем, привычки, выработывавшиеся годами в другом мире, невозможно изменить в одночасье, и ему требовалось время на полноценную адаптацию. Время, чтобы превратить это мягкое, живое тело в совершенную и смертоносную машину для убийства.

В целом траектория его действий почти не отличалась от той, что была описана в книге «Верховный Черной Черепахи: лимитированное издание». Инь Цичи не возводил содержание книги в абсолют, но и не испытывал какого-то особого духа противоречия, чтобы намеренно идти наперекор написанному лишь ради того, чтобы продемонстрировать свою независимую волю или доказать, что он не является чьей-то марионеткой. Он просто следовал собственному ритму и темпу, уверенно двигаясь вперед шаг за шагом, без лишней спешки.

Дни текли размеренно и спокойно, пока однажды ночью, уже лежа в постели, он не развернул перед собой экран системы межмировой торговли, предусмотрительно отвернувшись от окна. Свет экрана был виден только ему одному. Зайдя в панель управления, он подключился к

невидимым датчикам слежения, которые незаметно расставил вокруг своего жилища за последнее время. Вскоре на мониторе появилась четкая картинка с камер. Система, обработав массив данных, автоматически выделила все кадры, на которых присутствовали гуманоидные существа, и начала их воспроизведение.

На экране возник образ стройного и невероятно красивого юноши, чья внешность была чистой и сияющей, словно лунный свет. Он тихо прислонился к дереву, бережно обнимая свой меч. Его глаза были слегка опущены, а мягкий серебристый свет просачивался сквозь просветы в листве, ложась на его плечи и лицо. Это выглядело как настоящая картина. Инь Цичи никогда не считал себя знатоком искусства, но мог с уверенностью поручиться: если бы эта сцена была запечатлена на настоящем полотне, она определенно стоила бы баснословных денег.

Экран мониторинга был разделен на несколько секторов, и в разных окошках демонстрировались максимально увеличенные фрагменты: глаза, руки, ладони, ноги и ступни. В боковой панели, где обычно отображался результат сканирования систем противника, зияла абсолютная пустота. Это было вполне естественно: люди в этом мире обладали полностью натуральными телами, не прошедшими никакой модификации. Поэтому сканеру просто нечего было обнаруживать.

Инь Цичи пристально смотрел на изображение и вдруг почувствовал нечто странное. Раньше, используя свои кибер-глаза, он просканировал бесчисленное множество людей, и подобные увеличенные детали видел чуть ли не каждый день. Он давно привык к этому, и его сердце всегда оставалось спокойным. Но в этот раз всё было иначе...

Инь Цичи немного задумался и вскоре нашел ответ: человек на экране был слишком красив. Даже при таком сильном увеличении, которое обычно безжалостно выявляет любые недостатки кожи или формы, этот юноша выглядел безупречно. Густые ресницы, зрачки, черные и глубокие, словно качественная тушь, и кожа без единого изъяна. Даже руки, сжимающие рукоять меча, были изящными и совершенными, напоминая искусные изваяния из белого нефрита. При этом он был живым: ноздри едва заметно вздрагивали при каждом вдохе, ресницы трепетали, когда он моргал, а время от времени налетавший легкий ветер заставлял его длинные волосы и широкие рукава одежды плавно колыхаться. Это было куда прекраснее, чем любая, даже самая дорогая безжизненная статуя.

Дело было не только в лице – от человека на экране исходила какая-то особая, весьма притягательная аура. В сочетании с пустой рамкой сканера это вызывало у Инь Цичи странное ощущение, будто он подглядывает за кем-то из праздного, почти интимного любопытства, а не занимается профессиональной разведкой вражеских позиций. Он быстро моргнул, отгоняя эти нелепые и неуместные мысли.

Некоторое время назад Инь Цичи смутно почувствовал, что кто-то наблюдает за ним,

скрываясь в тени. Он попытался выпустить свое духовное чувство, чтобы проверить окрестности, но ничего не обнаружил. Однако Инь Цичи привык доверять своей интуиции, поэтому с большим удовольствием воспользовался системой наблюдения. Если путь культивации в данном случае не помог, значит, нужно было использовать путь технологий. Все дороги ведут в Рим. И действительно, интуиция его не подвела: кто-то и впрямь следил за ним из глубокого укрытия.

Инь Цичи смотрел на человека на экране и искренне недоумевал, так как понятия не имел, кто это может быть. Если бы перед ним был враг, то он бы не выглядел так – Инь Цичи не чувствовал от него никакой исходящей злобы или жажды крови. Казалось, тот просто ведет тихое, скрытое наблюдение. Никаких попыток нанести удар исподтишка или спровоцировать конфликт также не последовало. Но Инь Цичи не верил, что это было обычное подглядывание. В конце концов, этот человек казался слишком необычным, словно он находился в ином слое реальности, нежели все остальные обитатели этого мира. Кто он такой? И чего он хочет на самом деле?

Цзян ХаньЯ обладал огромной силой и невероятно высоким уровнем, и если он искренне желал остаться незамеченным, его не смог бы обнаружить даже предок семьи Инь. Что уж говорить об Инь Цичи, чья культивация на данный момент была куда ниже – он находился лишь на начальной стадии Пробуждения ци.

Все это время Цзян ХаньЯ наблюдал из тени, внимательно сверяясь с содержанием книги, и чем больше он видел, тем сильнее его охватывал трепет. Поступки Инь Цичи почти в точности совпадали с тем, что было описано в тексте. Некоторые предметы часто исчезали из ниоткуда и больше никогда не появлялись в поле зрения. Должно быть, это и была та самая «система межмировой торговли», о которой говорилось в книге.

Дойдя до этого момента, он, по идее, уже должен был открыться и показаться, но Цзян ХаньЯ решил еще немного подождать. Это было продиктовано не нерешительностью, а тем, что вскоре в семье Инь должно было состояться внутреннее состязание учеников, и он хотел принять окончательное решение уже после него. В бою человек меньше всего способен скрывать свою истинную сущность: в пылу сражения проявляются детали и черты характера, которые он сам может не осознавать. К тому же во время состязания члены семьи будут противостоять друг другу, что неизбежно создаст массу нестабильных факторов, которые помогут прояснить ситуацию.

Одним словом, жизнь полна неожиданностей, а подобные вещи невозможно предугадать или контролировать искусственно.

Если даже эти случайности совпадут с тем, что предсказано в книге, последние крупницы сомнений в сердце Цзян Ханья окончательно исчезнут. В конце концов, речь шла не о чем ином, как о человеческой жизни, причем, с высокой долей вероятности, о жизни будущего великого мастера.

Разумеется, Цзян Ханья и сам стремился достичь стадии великого императора и стать сильнейшим существом в этом мире – в конце концов, не было ни одного воина, который не лелеял бы подобную мечту. Однако он считал, что этот пик должен быть покорен исключительно собственными силами, а не путем коварных интриг или безжалостного устранения конкурентов. В противном случае, даже обретя титул великого императора, он останется лишь создателем воздушного замка, лишенным истинного фундамента. В таком успехе не было никакого смысла.

Напротив, чем больше вокруг него будет сильных и достойных соперников, тем убедительнее он сможет доказать свою состоятельность, одержав над ними верх. Инь Цичи в будущем вполне мог стать его самым серьезным конкурентом, и именно поэтому Цзян Ханья относился к нему с такой предельной осторожностью.

- Хорошо бы, если бы у него в будущем не случилось того самого внезапного приступа болезни,
- с тяжелым вздохом пробормотал Цзян Ханья.

Если бы после достижения стадии великого императора Инь Цичи остался полностью здоров, каким же выдающимся соперником он стал бы! От одной этой мысли кровь в жилах начинала бурлить от предвкушения. Хотя ему и придется искусственно подавить свою культивацию, чтобы сразиться с Инь Цичи на равных, Цзян Ханья не верил, что потерпит поражение. И дело было не в высокомерии, а в куда более богатом боевом опыте. К тому же, будучи воспитанником топовой фракции, расположенной в самом сердце континента, он обладал куда более прочным и глубоким фундаментом. Более того, судя по его наблюдениям, способности Инь Цичи, хоть и росли с поразительной скоростью, всё еще не дотягивали до его собственного уровня.

Строго говоря, даже если Цзян Ханья намеренно снизит свой уровень, такой поединок не будет честным – он останется лишь демонстрацией превосходства сильного над слабым. Конечно, в глубине души он хотел дождаться, пока Инь Цичи вырастет, и честно победить его в великой борьбе за шанс стать императором, но Цзян Ханья не был в этом до конца уверен. В книге было сказано, что он использовал все ресурсы своей семьи, но всё равно потерпел поражение. А если Инь Цичи победит, но затем снова заболеет, уже став великим императором, это станет невозможной трагедией. Он окажется единственным мастером стадии великого императора, которого никто не сможет одолеть, и окружающим останется лишь беспомощно наблюдать за тем, как этот великий человек медленно сходит с ума.

- Эх... - снова вздохнул Цзян Ханья.

И вот, пока он продолжал свое скрытое наблюдение, в семье Инь началось внутреннее состязание. Подобные мероприятия были явлением весьма распространенным и проводились почти в каждой мало-мальски развитой фракции. В семьях их именовали семейными состязаниями, в сектах - состязаниями секты. Чем крупнее была организация, тем больше в ней было людей и, соответственно, тем выше становилось потребление ресурсов. Однако ресурсы внутри любой фракции всегда ограничены, и обеспечить всех желающих в равной степени было попросту невозможно.

На континенте Черной Черепахи превыше всего почитали силу: чтобы фракция могла процветать и передавать свое наследие из поколения в поколение, она обязана была обладать сокрушительной мощью. Лучшим способом достижения этой цели был отбор самых талантливых новичков и концентрация всех ресурсов именно на них. Тогда, превратившись в могущественных воинов, они смогут надежно защищать свою семью, позволяя ей захватывать еще больше ресурсов, что в итоге создавало бесконечный положительный цикл развития.

Но как именно распределять эти ресурсы? Кто должен получить больше, а кто - меньше? И как сделать так, чтобы все остались довольны? Именно для решения этих вопросов и проводились внутренние состязания. «Кто из вас по-настоящему талантлив - докажите это на арене». Победил - и получаешь приоритетный доступ к ценным ресурсам и лучшие условия для практики, и при этом никто не посмеет сказать ни слова против.

В клане Цзян всё было устроено точно так же. Разница заключалась лишь в том, что из-за колоссального могущества клана Цзян масштаб мероприятий был куда внушительнее, но сама суть оставалась прежней. Цзян Ханья участвовал в таких состязаниях с тринадцати лет и не знал поражений, каждый раз завоевывая первое место с подавляющим преимуществом. Благодаря этому все доступные ему ресурсы и условия обучения были высшего ранга. Будучи сыном главы семьи, он неизбежно вызывал у окружающих подозрения в фаворитизме. Однако поскольку его сила и талант были неоспоримы, а на арене он каждый раз побеждал честно и открыто, остальные, поначалу сомневавшиеся, постепенно смирились. Ради выживания клан Цзян была абсолютно безжалостна: если у тебя нет силы, даже самое знатное происхождение не гарантирует тебе ни крупницы общих ресурсов. Если хочешь большего - пусть твои близкие старшие родственники доплачивают из собственного кармана.

Однако состязание в семье Инь разительно отличалось от того, что происходило в клане Цзян. На первый взгляд всё выглядело шумно и солидно, но стоило Цзян Ханья внимательнее присмотреться, как он насчитал по меньшей мере десятерых откровенных «читеров». Кто-то открыто разыгрывал дешевый спектакль: после нескольких раундов противник внезапно и «добровольно» признавал свое поражение. Кто-то тайком принимал мощные пилюли, совершая «внезапный прорыв» прямо в разгар боя на арене. А некоторые и вовсе не утруждали себя актерской игрой, используя в бою невероятно мощные артефакты и оправдывая это тем, что «фундамент и снаряжение - это тоже часть общей силы». Вдобавок к этому, в толпе зрителей

вовсю принимали ставки на исход боев... Перед ним предстала та самая «картина бурлящей жизненной силы и конкуренции всего живого».

У Цзян ХаньЯ от увиденного голова пошла кругом. Можно было констатировать лишь одно: у такой семьи нет будущего. Клан Цзян имела глубокие корни и бесчисленные ресурсы, но именно поэтому они прекрасно понимали: чтобы удержать всё это, нужны истинно могучие воины, способные подавить любые внешние угрозы. Жульничество на состязаниях было проявлением вопиющей близорукости и самообмана. Это медленно, но верно губило будущее всего клана, и в конечном итоге дерево неизбежно упадет, а обезьяны разбегутся. Если бы клан Цзян разложилась изнутри так же, как семья Инь, её бы давно растерзали хищные соседи. Если бы сам Цзян ХаньЯ оказался посредственностью, его бы без колебаний отбросили в сторону, даже будь он сыном главы. Более того, именно в силу его статуса, ради поддержания авторитета справедливости, его бы отбросили еще решительнее и безжалостнее.

Для Цзян ХаньЯ нынешнее состязание не представляло никакого интереса: пятеро из десяти так называемых «гениев» жульничали, а остальные, кто выступал честно, тоже совершенно не впечатляли. Он лишь пристально следил за происходящим, сверяя каждое событие с сюжетом книги. Его губы сжимались всё плотнее.

Наконец наступила очередь Инь Цичи. Он был выходцем из обычной семьи, обладал посредственным талантом, а его противником стал сын главы семьи Инь – сильнейший гений их клана и действительно одаренный практик. Исход этого боя казался всем присутствующим предрешенным. Однако перед тем как выйти на арену, Инь Цичи внезапно посмотрел в сторону, где скрывался Цзян ХаньЯ, и улыбнулся, словно находился в прекрасном расположении духа.

Цзян ХаньЯ нахмурился. Но, вспомнив о нынешнем уровне силы Инь Цичи, он снова расслабился. «Наверное, это просто совпадение», – подумал он.

<http://bllate.org/book/17943/1720819>